

КОЛЛЕКЦИЯ ЛИЧНЫХ КОШМАРОВ ТОМ II

Конюшенко Егор

18+

Егор Конюшенко

**Коллекция личных
кошмаров. Том II**

«Автор»

2026

Конюшенко Е.

Коллекция личных кошмаров. Том II / Е. Конюшенко —
«Автор», 2026

Журналист Илья Громов, потерявший жену, пускается в рискованное расследование по всей России: он собирает свидетельства людей, столкнувшихся с необъяснимым — голоса мёртвых за порогом, фигуры в зеркалах, призраки на перекрёстках, послания с несуществующих SIM-карт. Каждая история становится кирпичиком в его личной коллекции правил и предостережений, и он всё ближе подбирается к тому, чтобы самому открыть дверь между мирами. Но чем глубже он погружается в чужие кошмары, тем яснее понимает: все эти случаи — лишь ступени к его собственному ритуалу, цена которого может оказаться выше, чем он готов заплатить.

Содержание

История №1. Голос за порогом	5
История №2. Отражение в чужом зеркале	17
История №3. Перекрёсток на Покров	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Егор Конюшенко

Коллекция личных кошмаров. Том II

История №1. Голос за порогом

Раннее утро. Съёмная комната на окраине Москвы, которую я снимаю посуточно через знакомого риелтора — без договора, без лишних вопросов. Владелец квартиры живёт в другом городе, появляется раз в полгода, чтобы проверить счётчики. Запах сырости и дешёвого табака вьелся в обои, и даже постоянное проветривание не помогает от него избавиться. На продавленном диване, который я использую как импровизированное рабочее место, разложены ноутбук, блокнот в потёртой кожаной обложке и пластиковый стаканчик с чёрным кофе без сахара. Уже третья кружка за последние два часа. Свет от настольной лампы выхватывает из темноты только клавиатуру — остальное тонет в сером утреннем полумраке.

Я открываю почтовый клиент. Три новых письма. Два — спам с предложениями о кредитах, одно — от Веры Сергеевны, медсестры из городской больницы Покрова. Я помню её. Два года назад я писал материал о врачебных ошибках в региональных больницах, и она согласилась дать интервью, хотя это могло стоить ей работы. Тогда она передала мне контакт матери пациентки, умершей от послеоперационного сепсиса. Дело было закрыто, но Вера рисковала. Я обещал не называть её имени в статье — и сдержал слово.

Сейчас письмо от неё. Тема: «Это не для статьи». Короткое, без лишних слов. Я открываю его и перечитываю дважды.

«Илья, это не для статьи. Это для вас. Я не знаю, что это, но мне страшно. У нас в Покрове случай — пенсионерка Зинаида Павловна Кротова, посёлок Красные Сосны. Нашли на пороге собственного дома. Дверь была заперта изнутри на тяжёлый засов. Лицо у неё — счастливое, как в раю. В заключении — сердечная недостаточность. Но я видела тело: на губах белый налёт, как после долгого пребывания в холоде. И соседи говорят, что по ночам слышали мужской голос — звал её по имени. Меня уже вызывали в полицию за “распространение слухов”. Только не говорите, что я вам сказала».

Я делаю глоток кофе. Пальцы слегка покалывают — старый рефлекс, выработанный за годы работы в хрониках происшествий. Когда человек боится говорить, значит, есть что скрывать. Или, что бывает реже, есть что показать.

Набираю номер Веры. Трубку берут после шестого гудка — почти на грани сброса. Голос у неё усталый, сдавленный, будто она говорит не в трубку, а в пустую комнату, стараясь не разбудить кого-то за стеной.

— Вера Сергеевна, это Илья Громов. Я прочитал ваше письмо.

— Илья, — она выдыхает с облегчением, но не расслабляется. — Спасибо, что позволили. Я не знаю, кому ещё писать. Полиция уже закрыла дело, патологоанатом подписал заключение, но я видела тело своими глазами. Это не сердечная недостаточность. У Зинаиды Павловны не было проблем с сердцем — я знаю её историю болезни, я сама оформляла выписки. Три года назад, когда умер муж, она проходила полное обследование. Сердце было в норме.

— Что вы видели на губах?

— Белый налёт. Сухой, плотный, как наждачная бумага. Такое бывает, если человек долго находился в помещении с низкой температурой, но её нашли вечером, а температура воздуха была плюс двенадцать. В доме — нормальные условия. Тело не было холодным на ощупь, когда я приехала. Но налёт был.

— Вы сказали о голосе, который слышали соседи.

— Соседка, Валентина Степановна, живёт через забор. Она рассказала, что в течение последнего месяца по ночам слышала из дома Кротовых мужской голос — низкий, глухой, с повторяющейся фразой. Она не разобрала всей фразы, но запомнила: «Зина,пусти, я же замёрз,пусти меня, Зина». Валентина Степановна уверяет, что голос принадлежал покойному мужу Зинаиды Павловны, Николаю Ильичу. Он умер три года назад от рака поджелудочной железы.

— Она уверена? — спрашиваю я. Если это был не он, то кто? И почему она так легко узнала голос человека, которого не видела три года?

— Уверена. Они прожили вместе сорок лет. Она узнала голос.

Я записываю в блокнот: «Зинаида Павловна Кротова, 76 лет, посёлок Красные Сосны, Покровский район. Смерть на пороге, дверь заперта изнутри, счастливое лицо, белый налёт на губах. Соседи: голос мужа по ночам, зовёт открыть дверь. Патологоанатом: сердечная недостаточность. Вера: сердце здоровое». Смотрю на эти строки. Детали не складываются в картину — они только подчёркивают пустоты.

— Вера Сергеевна, я приеду. Завтра утром. Вы сможете дать мне адрес?

— Запишите. Посёлок Красные Сосны, дом номер три. Только не упоминайте меня. Я не хочу больше объяснений в полиции. Мне нужна эта работа.

— Не упомяну, — отвечаю я. — Благодарю вас.

— Илья, — она замолкает на несколько секунд. — Вы считаете, это правда? Что может быть правдой?

— Я считаю, что если человек боится говорить, значит, есть что скрывать. — Я повторяю свою же фразу, но теперь она звучит иначе. — Остальное выясню на месте.

Я кладу трубку. Пальцы всё ещё покалывают. Допиваю остывший кофе и открываю карту на телефоне. Красные Сосны — двести двадцать километров от Москвы, три с половиной часа по трассе, если без пробок. Я смотрю на блокнот, на только что записанные строки, и чувствую знакомое напряжение в плечах. Это не интуиция. Это профессиональный рефлекс: если есть детали, которые не сходятся, значит, есть история. А если есть история — значит, её нужно записать. Как можно точнее. Без лишних эмоций. Без домыслов. Но я ловлю себя на том, что уже строю домыслы, и это меня тревожит.

Я закрываю ноутбук, закидываю в рюкзак диктофон, блокнот и зарядное устройство. С собой — минимальный набор: смена белья, старая отцовская куртка, кулон Анны на груди — под рубашкой, чтобы не цеплялся за ремешок рюкзака. Выезжать лучше сейчас, чтобы успеть дотемна. Но сначала — ещё одна кружка кофе и сигарета в форточку.

Через двадцать минут я уже стою на лестничной клетке, проверяю замки — привычка, выработанная годами съёмного жилья — и спускаюсь к машине. Старая «Лада» Анны, которую я не продал и не могу продать. На пассажирском сиденье — бардак, который я принципиально не разбираю: говорю, что в хаосе легче находить нужное. На самом деле — лень и ещё что-то, чему я не даю названия.

Я включаю зажигание. Выезжаю со двора. Навигатор показывает время прибытия — 16:42. Я успеваю до вечера. Включаю радио, потом выключаю. Тишина в салоне лучше. За окнами мелькают серые многоэтажки, сменяющиеся бетонными кольцами и лесами. Я думаю о Зинаиде Павловне, которая сидит на пороге с застывшей улыбкой, и о голосе, который зовёт её из темноты. О запертой изнутри двери, которую спасателям пришлось вскрывать с помощью МЧС. О белом налёте на губах. И думаю: что я ищу на самом деле?

Ничего из этого не укладывается в официальное заключение. А значит — мне есть чем заняться в Красных Соснах.

Через час после выезда из Москвы я останавливаюсь на заправке под Ногинском. Заправляю полный бак, покупаю ещё одну пачку сигарет и две бутылки воды. Выхожу из машины, опираюсь на капот, курю, глядя на пустую трассу. В голове всё ещё прокручиваются детали

разговора с Верой. Запертая дверь. Счастливое лицо. Белый налёт на губах. Мужской голос, зовущий по ночам. Я пытаюсь логически объяснить себе всё это, но что-то упорно не даёт покоя.

Нужен легальный повод для этой поездки. И деньги. Я достаю телефон, нахожу в контактах «Вечерний экспресс» и набираю номер редактора. Пётр Семёнович отвечает после третьего гудка — всегда так, будто он ждал звонка, но не хочет этого показывать.

— Громов, — говорит он вместо приветствия. — Слушаю.

— Пётр Семёнович, у меня есть предложение.

— Слушаю.

Я объясняю: серия материалов о случаях контакта людей с умершими. Регионы Центральной России. Формат — журналистское расследование, интервью с очевидцами, без политики и криминала. Двенадцать статей с недельным интервалом. Первая — уже готова к выезду.

Пётр Семёнович молчит несколько секунд, затем слышится характерный звук зажигалки — он тоже курит в рабочее время. Я знаю эту паузу: он взвешивает, считает, прикидывает тираж.

— Двенадцать материалов, — повторяет он. — Это много для жёлтой газеты. Но если тема пойдёт, мы можем растянуть на полгода. Условие одно: ты мне даёшь двенадцать материалов, я тебе — аванс. Но если начнёшь лезть в политику или криминал, я тебя выкину. Мне не нужны проблемы с Роскомнадзором и прокуратурой. Ты работаешь по мистике — и работай. Чем страшнее, тем лучше. Читатель любит бояться.

— Без политики и криминала, — подтверждаю я.

— Аванс переведу сегодня вечером на карту. Тысяча рублей за статью — это нормально?

— Нормально.

— Отлично. Через неделю жду первый материал. Без задержек.

Я кладу трубку. Тысяча рублей за статью — это смешно, если считать по рыночным расценкам, но для «Вечернего экспресса» это стандарт. Мне не нужны деньги ради денег. Мне нужен повод. Повод мотаться по регионам, говорить с людьми, собирать информацию, выяснять правила. И редактор дал мне этот повод. Но я не могу отделаться от мысли: а не ищу ли я на самом деле не правила, а что-то, что позволит мне самому нарушить одно из них?

Я закуриваю вторую сигарету, возвращаюсь в машину. На пассажирском сиденье — диктофон, блокнот, пустая пачка из-под сигарет и старая кассета, которую я не слушал уже два месяца. Кассета с записью голоса Анны. Я записал её в последний вечер перед её отъездом в Воронеж — мы сидели на кухне, она рассказывала какую-то смешную историю про свою коллегу, и я включил диктофон, чтобы потом использовать фрагмент в аудиointerview для проекта, который так и не запустился. Теперь эта запись осталась единственным голосом, который я могу услышать. Я знаю, что она там есть. И я знаю, что включать её не стоит перед дальней дорогой. Но я включаю.

Смех Анны — короткий, с хрипотцой, всегда чуть с опозданием, будто она сначала переваривала шутку, а потом уже смеялась. Она говорила быстро, сбивчиво, перескакивая с одной мысли на другую. Я слушаю тридцать секунд, затем выключаю диктофон. Не для статьи. Для себя.

Завожу мотор. Трасса М-7 ведёт на восток, через леса и поля, мимо брошенных деревень и новых коттеджных посёлков. Я смотрю вперёд, в серое небо, и прокручиваю в голове детали, которые Вера сообщила по телефону: запертая изнутри дверь, счастливое лицо, голос мужа, который зовёт её по ночам. Белый налёт на губах. Сердце, которое было здоровым. И думаю: если я приеду и найду ответ, что я с ним сделаю?

Я не знаю, что именно ищу в этих деталях. Но я чувствую, что эта история — не просто заметка для жёлтой газеты. Это первый кирпич в конструкции, которую я только начинаю

собирать. Я еду в Красные Сосны, чтобы увидеть то, что не вписывается в официальное заключение. И чтобы записать это так, как умею: сухо, точно, без лишних эмоций.

До посёлка осталось два часа.

Через два часа я въезжаю в Красные Сосны. Посёлок встречает меня серым небом, разбитой дорогой и запахом сырой древесины, который держится в воздухе даже при плюсовой температуре. Улицы пусты — редкие прохожие, старухи с авоськами, собака, привязанная к забору. Я еду медленно, сверяясь с навигатором, и нахожу нужный дом.

Дом Зинаиды Павловны Кротовой стоит на отшибе, у самой кромки леса. Старый, но ухоженный: стены обшиты тёмным вагончиком, крыша покрыта оцинкованным железом, синие ставни закрыты на крючки. Одно окно — спальни на втором этаже — заколочено досками крест-накрест. На двери всё ещё висит опечатавающая лента, сорванная ветром с одного конца; она болтается, задевая за косяк, и издаёт тихий стук на ветру.

Я выхожу из машины, оставляю диктофон включённым на пассивную запись и начинаю обход. Первым делом фотографирую дом с четырёх сторон: фасад, левую стену, правую стену, задний двор. Затем подхожу к крыльцу. На сухой древесине, поверх слоя пыли и мелких щепок, я замечаю следы. Свежие. Они идут от края крыльца к двери и обратно. Но это не следы обуви — отпечатки не имеют протектора, не имеют формы подошвы. Это влажные пятна, как будто кто-то прошёл босиком. Я опускаюсь на корточки и рассматриваю их. Влажность уже почти испарилась, но отчётливые разводы остались. Я фотографирую следы, записываю в блокнот: «Крыльцо, свежие следы, похожие на босые ноги. Влажные. Направление: от края крыльца к двери и обратно. Температура воздуха — около +12. Следы не могли сохраниться дольше нескольких часов». Чьи это следы? И почему они исчезают к утру?

Обхожу дом по периметру. Задний двор зарос бурьяном, но тропинка к сараю утоптана. Сарай закрыт на ржавый замок. Я заглядываю в щель — внутри темно, видны очертания старого инвентаря. Ничего необычного. Останавливаюсь у окна заколоченной спальни. Доски прибиты снаружи, гвозди новые, без ржавчины. Заколочено недавно — возможно, после смерти Зинаиды Павловны. Я делаю ещё несколько снимков.

Через пятнадцать минут я возвращаюсь к калитке и направляюсь к соседнему дому справа. На табличке, прибитой к забору, значится: «Журавлёва Валентина Степановна». Я стучусь. Слышу шаги — медленные, осторожные. Затем в щель между дверью и косяком появляется глаз. Женщина, пожилая, в тёплом платке, осматривает меня с ног до головы, не открывая двери.

— Вы из газеты? — спрашивает она. Голос настороженный, с хрипотцой.

— Я внештатный корреспондент, — отвечаю я. — Собираю материал для рубрики «Непознанное рядом». Вы Валентина Степановна?

— Я уже всё сказала участковому. — Она делает паузу. — Больше говорить не буду.

Я достаю визитную карточку, на которой указан только номер телефона и имя — без названия издания. Протягиваю её в щель. Она берёт, не открывая двери.

— Если передумаете, я буду в посёлке до вечера. — Я не настаиваю. Отхожу от двери, сажусь в машину, включаю зажигание.

Отъезжаю на сто метров, останавливаюсь у старого магазина. Выхожу, покупаю в ларьке бутылку дешёвого коньяка, пачку печенья «Юбилейное» и два яблока. Укладываю всё в пакет. Через полчаса возвращаюсь к дому Валентины Степановны. Стучусь снова.

Тишина. Затем шаги. Дверь открывается — чуть шире, чем в первый раз. Валентина Степановна смотрит на пакет в моей руке, затем на меня.

— Вы серьёзно? — спрашивает она.

— Серьёзно. — Я протягиваю пакет. — Просто поговорить. Я не буду записывать без вашего согласия.

Она молчит несколько секунд, затем отступает в глубь прихожей, оставляя дверь открытой. Я захожу. Внутри пахнет старым деревом и сушёной мятой. На кухне — накрытый стол, чайник, кружки. Валентина Степановна садится на стул у окна и кивает на место напротив.

— Садитесь. Только без диктофона. — Я оставляю диктофон в сумке, достаю блокнот и ручку. Она смотрит на блокнот, но не возражает. — Что вы хотите знать

Я сажусь на деревянный табурет у окна. Валентина Степановна ставит передо мной кружку с чаем — крепким, тёмным, с запахом сушёной мяты. Сама садится напротив, кладёт руки на стол, смотрит на меня долгим взглядом. Пакет с коньяком и печеньем она отставила в сторону — не открыла, не поблагодарила, просто оставила как предмет договорённости. Я достаю блокнот, кладу ручку рядом, но не беру её в руки. Диктофон остаётся в сумке, как она просила.

Она начинает говорить неохотно, подбирая слова, как будто взвешивая каждое. Ей явно не хочется возвращаться к этой истории, но и оставить её без рассказа — тоже не получается. Сначала она говорит общими фразами: о том, что Зинаида Павловна была хорошей соседкой, что они дружили, что вместе ходили в церковь по праздникам. Потом переходит к сути.

— Николай Ильич умер три года назад. Рак поджелудочной. Ходил в больницу, потом лежал дома, Зина за ним ухаживала до последнего дня. Я заходила помогать. Тяжело было. Но она держалась. — Валентина Степановна отводит взгляд в сторону. — После похорон она, конечно, изменилась. Замкнулась. Но я думала — пройдёт. Год прошёл, второй. Всё ходила на кладбище, разговаривала там с ним. Я не осуждала. Каждый справляется как может.

— Когда начались изменения, о которых вы упомянули? — спрашиваю я.

— Месяца три назад, примерно. Она перестала выходить. За хлебом — не ходила, в магазин — не ходила. Я к ней стучалась — она открывала не всегда. Один раз открыла, я зашла, а она сидит на кухне, смотрит в одну точку и улыбается. Я спросила: «Что с тобой, Зина?» А она мне ответила: «Коля ко мне вернулся. По ночам зовёт». — Валентина Степановна замолкает и делает глоток чая. — Я тогда подумала: старческое слабоумие. У моей матери такое было. Она тоже разговаривала с покойным отцом. Психолог сказал, что это нормально для женщин в возрасте после потери мужа. Я успокоилась. Перестала навещать её каждый день — приходила раз в три дня, оставляла продукты у двери.

— А потом вы слышали голос.

Она кивает. Медленно, с усилием.

— Да. Ночью. Это было за неделю до её смерти. Я проснулась от странного звука — не шума, не крика, а... голоса. Мужского. Низкого. Доносился он из её дома. Я подошла к окну, приоткрыла штору. Дом Зины тёмный, луна светила плохо, но звук был отчётливый. Он повторял одну фразу. — Валентина Степановна смотрит на меня теперь в упор. — «Зина,пусти, я же замёрз. Пустименя, Зина».

Она произносит эту фразу. Короткая пауза. Голос, которым она имитирует, звучит странно — не просто низкий, а с каким-то неестественным резонансом, как будто запись, сделанная в пустой комнате, пропущенная через микрофон с большим расстоянием. Я отмечаю это мысленно: тембр, отсутствие модуляций, ровная интонация, лишённая эмоциональных качеств. Это не похоже на живую речь. И не похоже на старческое слабоумие. Это похоже на феномен, который я уже слышал в нескольких описаниях — голос, который звучит из ниоткуда, без источника, без дыхания.

— Вы уверены, что это был голос Николая Ильича? — спрашиваю я. Если это не он, то кто?

— Я не знаю. — Она качает головой. — Я не знаю, чей это был голос. Знаю только одно: он был не моего мужа. И не моего отца. Я прожила всю жизнь в этом посёлке, я слышала все голоса мужчин, которые здесь жили. Этого голоса я не слышала никогда.

Я записываю в блокнот: «Фраза — точное воспроизведение. Тембр — неестественный, без человеческой модуляции. Свидетельница уверена, что голос не принадлежит её мужу или любому известному ей человеку». Я поднимаю взгляд, чтобы задать следующий вопрос, но она вдруг замолкает. Пауза затягивается. Я вижу, как она смотрит на меня — не враждебно, но с каким-то новым выражением, которое я не могу сразу интерпретировать.

— А вы знаете, — говорит она тихо, — что её нашли не на пороге?

Я чувствую, как холод ползёт по позвоночнику, но не меняю положения тела. Я продолжаю держать ручку на весу, не записывая. Почему она говорит мне это сейчас?

— Где её нашли?

— В спальне. — Валентина Степановна произносит это с нажимом, глядя мне в глаза. — На кровати. Лицом вверх. Участковый сказал: на пороге. Но я знаю, потому что видела. Я подходила к дому, пока они её выносили. Её выносили из спальни, не из прихожей. Участковый соврал.

Я молчу несколько секунд, переваривая информацию. Если участковый соврал о месте, что ещё он мог скрыть?

— Вы готовы подтвердить это официально? — спрашиваю я.

— Нет. — Она резко качает головой. — Нет, я не буду этого подтверждать. Мне семьдесят три года. Я не хочу, чтобы меня допрашивали в полиции. Я хочу дожить свой век спокойно. Но вам я сказала, потому что вы спросили. И потому что вы принесли коньяк. — Она смотрит на пакет, который я оставил на столе, и в уголках её губ мелькает что-то похожее на улыбку. — А ещё потому что вы не записывали на диктофон.

Я киваю. Записываю в блокнот новую строку: «Место обнаружения — спальня (кровать, лицом вверх). Участковым указано — порог. Несоответствие. Свидетельница отказывается давать показания полиции. Вероятность ошибки — низкая, мотивация для лжи — отсутствует. Требуется проверка: доступ к протоколу осмотра места происшествия». Я уже знаю, что протокол будет соответствовать словам участкового, а не её. Значит, нужен другой путь.

Валентина Степановна поднимается из-за стола, подходит к пакету с коньяком, достаёт бутылку, ставит на стол.

— Налейте себе, если хотите. Мне уже нельзя. — Она показывает на графин с мутной жидкостью. — Я оттуда больше не пью. С того дня, как услышала голос. После каждого глотка у меня такое ощущение, будто кто-то стоит в углу и смотрит.

Я благодарю, но отказываюсь. Закрываю блокнот, кладу ручку в карман куртки. Валентина Степановна провожает меня до двери. На пороге она останавливается и смотрит на дом Зинаиды Павловны через дорогу. Уже вечерет.

— Вы можете сходить туда, — говорит она, не оборачиваясь. — Я знаю, у вас есть ключ от калитки, потому что вы фотографировали. Вы журналист, вы же не оставите это просто так. Только дверь в дом открывать не надо. Я бы на вашем месте открыла. Но я бы на вашем месте не стала.

Она закрывает дверь. Я остаюсь на крыльце. Темнеет. Соседний дом Зинаиды Павловны стоит молчаливый, с сорванной печатающей лентой на ветру.

Я стоял на крыльце дома Валентины Степановны, глядя на соседний дом Зинаиды Павловны. Дверь за мной закрылась. Сорванная печатающая лента на ветру продолжала издавать тихий стук. Светало, но солнце ещё не поднялось над горизонтом — время приближалось к шести утра. За ночь я так и не лёг спать. Вместо этого я просидел в машине, перечитывая записи из блокнота и сопоставляя факты.

Слова Валентины Степановны не выходили из головы. Участковый соврал. Тело нашли не на пороге, а в спальне. Часы остановились на 3:07. Эти три цифры я повторял про себя несколько раз подряд, проверяя на слух, не ошиблись ли мои записи. Ошибки не было. Но что означают эти часы? Почему именно 3:07? И почему участковый решил скрыть правду?

Я вышел из машины, пересёк дорогу и направился к дому №3 по улице Центральной. В посёлке было тихо. Из труб нескольких домов поднимался дым — топили печи. Вдали лаяла собака, но звук доносился приглушённо, сквозь утренний туман. Я обошёл дом Зинаиды Павловны со стороны огорода, нашёл калитку с отогнутой щеколдой и, убедившись, что меня никто не видит, вошёл на участок. Следы на крыльце, которые я зафиксировал накануне, к утру почти исчезли — остались только бледные разводы, едва заметные на дереве. Я сделал несколько снимков на телефон, затем вернулся к машине и достал блокнот.

Нужно было найти участкового. Я набрал номер дежурной части Покровского ОВД, представился внештатным корреспондентом «Вечернего экспресса» и попросил соединить с лейтенантом Гришиным, который вёл дело Кротовой. Через минуту меня переключили.

— Гришин, — ответил голос на том конце. Молодой, но усталый, с ноткой недоверия. — По какому вопросу?

— Лейтенант, меня зовут Илья Громов. Я занимаюсь серией материалов о необычных случаях смерти. Мне рекомендовала вас Вера Сергеевна из районной больницы — медсестра, которая оформляла заключение Кротовой.

На том конце провода наступила пауза. Затем я услышал тяжёлый вздох.

— А, эта. — Гришин произнёс это с явным раздражением, но без агрессии. — Она вам и про голоса рассказала? Я так и знал. У неё язык без костей.

— Рассказала, — подтвердил я. — Я хотел бы встретиться с вами лично и обсудить обстоятельства обнаружения тела. Мне нужна объективная картина.

Гришин долго молчал. На заднем плане слышались голоса других сотрудников, шум принтера, звонок телефона.

— Знаете что, — сказал он наконец. — Я вам ничего не должен. И вы мне ничего не должны. Но если вы приедете в отдел, я вас приму. Через час. Только без камеры. И без диктофонов.

Я согласился. Через сорок минут я сидел в кабинете участкового — тесном, с обоями, отклеившимися в углах, и столом, заваленным бумагами. Гришин оказался молодым парнем лет двадцати семи, с коротким ёжиком русых волос и глазами, в которых читалась хроническая усталость. Он не предложил мне сесть — я сел сам. Он не предложил чая — я не просил.

— Слушайте, — начал Гришин, глядя на меня в упор. — Я не знаю, что там было. Но я вам расскажу то, что я видел. А вы решайте сами, что с этим делать.

Он откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. Голос его звучал ровно, без эмоций — как у человека, который привык докладывать факты.

— Мы получили вызов в десять утра. Заявитель — соседка, Валентина Журавлёва. Она сказала, что дверь заперта, Зинаида Павловна не отвечает, а она слышала голоса изнутри накануне. Я приехал с дежурным нарядом. Дверь действительно была заперта изнутри на тяжёлый кованый засов. Его можно было открыть только рукой — никакой автоматики, никакого электрозамка. Пришлось вызывать МЧС, чтобы вскрыть дверь. Они срезали петли.

— Вы вошли в дом, — сказал я. — Что вы увидели?

— Мы вошли в прихожую. Там никого не было. Затем я прошёл в гостиную — пусто. Прошёл на кухню — пусто. Затем я поднялся на второй этаж и зашёл в спальню.

Гришин остановился. Он перевёл взгляд на окно, за которым начиналась дождливая серость, и продолжил:

— Она лежала на кровати. На спине. Идеально ровно, руки сложены на груди, как в гробу. Глаза закрыты. На лице — улыбка. Я таких улыбок не видел никогда в жизни. Спокойная, светлая, как будто она смотрела на что-то очень хорошее. Я подумал сначала, что она просто спит. Но она была холодная. — Он сделал паузу. — Мы вызвали скорую. Врач констатировал смерть. Сердечная недостаточность.

— Вы указали в рапорте, что тело обнаружено на пороге, — сказал я. — Почему?

Гришин посмотрел на меня исподлобья. На его лице не появилось ни удивления, ни раздражения — только усталость.

— Потому что я не хотел объяснять начальству, что покойница лежала на кровати с улыбкой, как в раю, а часы в гостиной шли задом наперёд. — Он произнёс это спокойно, но с нажимом на последних словах. — Вы слышали? Я сказал: часы шли задом наперёд. То есть, механические часы. Старые, настенные, «Янтарь». Они не остановились. Они шли в обратную сторону. Я проверил: на них было 3:07 — время, которое они показывали, когда мы вошли. Но стрелки двигались против часовой стрелки. Я перевёл их на правильное время — через час они снова показывали 3:07. И снова шли задом.

Я записывал каждое слово в блокнот, не поднимая взгляда. Гришин, казалось, не обращал на это внимания. Он смотрел на меня, и в его глазах было странное выражение — не страх, не надежда, а желание быть понятым.

— Я не сказал этого в рапорте, — повторил он. — Потому что не понял бы никто. Ни начальник, ни прокурор, ни эксперты. У нас есть норма, есть регламент, есть инструкции. В инструкции не предусмотрено, что часы могут идти задом наперёд. И улыбка, как у святой, на лице женщины, которая три года не выходила из депрессии после смерти мужа. — Он развёл руками. — Вот так.

— Вы сохранили часы? — спросил я. Почему именно 3:07? Это время, когда она умерла? Или когда что-то произошло?

— Нет. Они стояли на стене в гостиной. Когда я выходил из дома, часы показывали снова 3:07. Я снял их с гвоздя и положил в ящик для вещдоков. Через два дня, когда я открыл ящик, часы стояли. Механизм был разобран — кто-то его сломал. Сторож сказал, что ночью слышал в кабинете странный стук. Я не знаю, кто это был. Я списал на вандалов и сдал часы в утиль.

Он замолчал. Я молчал тоже. В кабинете было тихо — только тиканье настенных часов (обычных, не «Янтарь») и шум дождя за окном.

— Я понимаю, что вы хотите написать, — сказал Гришин, вставая из-за стола. — Напишите. Только не называйте меня в статье. Мне ещё служить здесь. Если начальство узнает, что я рассказал журналисту про часы и про спальню — меня переведут в участок на другом конце области, а там негде жить, и платят меньше. Я не могу себе этого позволить. У меня двое детей и ипотека.

— Не назову, — ответил я. — Мне нужны только факты.

— Факты — вот они, — Гришин взял папку из ящика стола и положил передо мной. — Вы можете посмотреть протокол. Я не дам вам его копировать, но прочитать — прочитайте. Убедитесь, что я не вру.

Я открыл папку. Протокол был заполнен стандартным языком — «обнаружение трупа», «осмотр места происшествия», «сердечная недостаточность», «место обнаружения — прихожая, порог». Акт осмотра был датирован три дня назад. Подпись — лейтенант Гришин. Я закрыл папку и вернул её обратно.

— Спасибо, — сказал я. — Я всё понял.

Гришин кивнул и сел обратно на стул. Он взял ручку и начал что-то писать в журнале, давая понять, что разговор окончен. Я встал, вышел из кабинета, спустился по лестнице и вышел на улицу под дождь.

В машине я открыл блокнот и записал: Гришин, лейтенант, подтверждает: тело обнаружено в спальне, на кровати, лицом вверх, руки сложены на груди, улыбка. Рапорт содержит ложные сведения о месте обнаружения — указан порог. Часы в гостиной — механические, «Янтарь», шли в обратном направлении, показывали 3:07. Позднее — сломаны (утилизированы). Мотив искажения — служебная безопасность, отсутствие недобросовестности. Но я никак не могу отделаться от мысли: почему именно 3:07? И что произошло в этот момент?

Я закрыл блокнот, завёл мотор и выехал из посёлка. До следующей встречи оставалось несколько часов. Я знал, что моим следующим собеседником будет отец Михаил — священник, который принимал исповедь у Зинаиды Павловны. Дождь усиливался.

Из кабинета участкового я вышел под дождь, который к тому времени усилился до плотного, обложного. Я сел в машину, завёл двигатель и включил обогрев лобового стекла. В салоне было холодно. Я достал блокнот, перечитал последние записи, затем убрал его во внутренний карман куртки и достал телефон, чтобы найти контакты местной церкви.

Согласно заметкам Веры Сергеевны, Зинаида Павловна Кротова последние двадцать лет ходила на исповедь к отцу Михаилу — священнику церкви Покрова Пресвятой Богородицы, расположенной в двух километрах от посёлка Красные Сосны. Я нашёл номер телефона приходской канцелярии в интернете и позвонил. Трубку взяла женщина, представившаяся как староста. Я попросил соединить меня с отцом Михаилом. Она ответила, что батюшка занят и перезвонит позже. Я оставил свой номер.

Ждать пришлось дольше, чем я рассчитывал. Я поехал в сторону храма, оставил машину на стоянке у кладбища, но входить внутрь не стал — решил сначала дожидаться звонка. Прошло два часа. Звонка не было. Я позвонил снова. Та же женщина ответила, что отец Михаил просил передать, что не даёт интервью журналистам. Я объяснил, что мне не нужно интервью, мне нужна информация по конкретному прихожанину. Она ответила: «Батюшка не обсуждает тайну исповеди» — и положила трубку.

Я не стал настаивать. Вместо этого я провёл остаток дня в посёлке, изучая расписание богослужений. Вечерняя служба начиналась в семнадцать часов. Я приехал к храму за пятнадцать минут до начала, зашёл внутрь и встал у задней стены, у свечного ящика. Народу было немного — несколько пожилых женщин, мужчина с ребёнком, пара подростков. Отец Михаил служил ровно, без лишней торжественности, читал тексты нараспев, но с заметной усталостью в голосе. Я простоял всю службу, не садясь. Когда она закончилась, прихожане начали расходиться. Я остался.

Отец Михаил вышел из алтаря, снял ризу и повесил её на крючок. Он был одет в простую чёрную рубашку с потёртыми манжетами, худощавый, с седой бородой и глубокими морщинами на лбу. Ему было около пятидесяти пяти лет. Он увидел меня, стоящего в заднем ряду, и его лицо не выразило ни удивления, ни радости.

— Вы не оставите меня в покое? — спросил он, подходя ближе. Голос у него был низкий, но не громкий — спокойный, с лёгкой хрипотцой после долгой службы.

— Я не прошу вас говорить, — ответил я, оставаясь на месте. — Я прошу только одно: если Зинаида Павловна призналась вам на исповеди, скажите мне — она боялась или радовалась?

Отец Михаил долго молчал. Он смотрел на меня, затем перевёл взгляд на иконостас, потом на пустые скамьи. В храме было тихо, пахло ладаном и воском. Где-то за стеной слышался шум дождя.

— Она была счастлива, — сказал он наконец. — Как девушка, которая ждёт жениха. Я не видел у неё такого лица за все двадцать лет, что она ходила ко мне на исповедь. Это было странно. Я спросил её о причине. Она рассказала, что по ночам слышит голос мужа. Он зовёт её. Она сказала, что он просит открыть дверь. Она была уверена, что это он, что он вернулся к ней.

— Что вы ей ответили? — спросил я.

— Я сказал ей, что это не Коля. Это лукавый. — Отец Михаил перекрестился. — Я сказал ей, что не может мёртвый говорить голосом живого — это бес искушает, чтобы завладеть душой и отвести от Бога. Я посоветовал ей молиться, не поддаваться, не открывать дверь. Она согласилась. Она сказала: «Я поняла, батюшка, спасибо». И ушла.

— А через две недели она умерла, — сказал я.

— Да. — Священник опустил взгляд. — Через две недели. Я не знаю, открыла ли она дверь. Но я знаю одно: она хотела уйти. Она не хотела жить без него. И когда ей показалось, что он вернулся — она была готова отдать всё за эту встречу.

Я помолчал, записывая его слова в блокнот. Затем поднял взгляд.

— Вы верите, что её муж мог вернуться? Что душа умершего способна вернуться и говорить с живым?

Отец Михаил покачал головой. Медленно, без колебаний.

— Я верю в Бога. В остальном — разбирайтесь сами. — Он повернулся и направился к выходу из храма, не оборачиваясь. На пороге он остановился, но не обернулся, а только произнёс вполголоса: — Если вы найдёте правду, напишите мне. Я хочу знать, правильно ли я сказал ей тогда. Или я ошибся.

Он вышел. Дверь за ним закрылась. Я остался один в пустом храме. Свечи догорали в подсвечниках, и в помещении становилось всё темнее. Я сложил блокнот, сунул ручку в карман и вышел вслед за священником. Дождь к тому моменту прекратился. Над посёлком нависало низкое серое небо, и с запада подходила новая туча.

Я сел в машину. В блокноте появилась новая запись, которую я потом включу в статью: «Отец Михаил, священник храма Покрова, подтверждает: Зинаида Павловна на исповеди утверждала, что слышит голос покойного мужа, зовущего её открыть дверь. Священник предупредил её, что это может быть демон. Она согласилась. Через две недели — умерла. Причина смерти — сердечная недостаточность (не подтверждена объективными данными). Священник допускает, что решение открыть дверь было принято добровольно и с радостью».

Я завёл мотор и выехал с церковного двора. Нужно было ещё разобрать записи и подготовить черновик статьи. Но сначала — найти место, где можно выпить кофе и привести мысли в порядок. Единственное кафе в посёлке работало до девяти вечера. Я успевал.

Я выехал с церковного двора, когда небо над Красными Соснами начало темнеть окончательно — не от заката, а от плотной, низкой облачности, которая уже несколько часов висела над посёлком. Дождь прекратился, но дорога оставалась мокрой, и фары старой «Лады» выхватывали из темноты влажный асфальт и редкие силуэты деревьев. Я ехал не спеша, ориентируясь по навигатору, и через пять минут нашёл единственное в посёлке заведение, которое работало после девяти вечера: придорожное кафе с вывеской «Уют», где подавали кофе, чай и незамысловатую еду.

Я припарковался у входа, заглушил двигатель и несколько секунд сидел неподвижно, глядя на светящееся окно кафе. Внутри, судя по силуэтам, сидело два-три посетителя. Я взял диктофон, блокнот и ноутбук, вышел из машины и вошёл внутрь. Запах жареного лука и дешёвого кофе встретил меня в дверях. Я занял столик в углу, у окна, откуда была видна пустая трасса и темнеющий лес за ней. Заказал чёрный кофе без сахара и стакан воды.

Я открыл ноутбук, но не стал запускать текстовый редактор. Вместо этого я достал телефон и начал просматривать фотографии, сделанные за день: дом Зинаиды Павловны с синими ставнями, опечатавшая лента на двери, влажные следы на крыльце, заколоченное окно спальни. Я перелистывал снимки медленно, останавливаясь на каждом, затем закрыл галерею и отложил телефон в сторону. Я не чувствовал готовности писать статью. Материала было достаточно — показания трёх свидетелей, протокол осмотра, фотографии, — но внутри меня не было той сухой, профессиональной ясности, с которой я обычно начинал работу. Что-то мешало. Что-то, что я не мог сформулировать словами.

Я выключил ноутбук, отодвинул его на край стола и достал блокнот в кожаной обложке, который носил с собой всегда. Это был тот самый блокнот, который я никогда не показывал коллегам и не использовал для черновиков статей. В нём я записывал не факты, не цитаты, не хронологию событий — в нём я формулировал то, что не мог включить в опубликованные материалы. В нём жили правила.

Кофе принесли через минуту. Я сделал глоток, ощутил горьковатый вкус на языке, затем взял ручку и открыл блокнот на чистой странице. Сначала я выписал всё, что видел и слышал за день, но не в виде перечисления фактов, а в виде коротких тезисов, которые складывались в систему. Затем, поверх этих записей, я начал выводить главное — то, к чему меня подводили все свидетели, все детали, все несоответствия в официальных документах.

Я написал:

Правило первое: мёртвые могут звать. Они способны обращаться к живым — голосом, стуком, светом, сном. Но не всегда тот, кто зовёт, является тем, кого мы ждём. Демон может имитировать голос, лицо, интонации, память — всё, что угодно, чтобы быть услышанным. Различие не в громкости зова, а в том, что он просит взамен.

Правило второе: если дверь заперта изнутри, но она открыта для того, кто пришёл, — значит, открыл её сам умерший. Зинаида Павловна не была заперта в доме. Она не была заточена. Она не была жертвой взлома или насилия. Дверь была заперта на засов, который можно открыть только рукой, изнутри. И она её открыла. Участковый соврал о месте обнаружения, но не о главном: она вышла навстречу тому, кто её звал. Добровольно. С улыбкой, которую свидетели описывают как «счастливую» и «спокойную».

Правило третье: тот, кто притворяется любовью, всегда говорит правдиво — но не о себе. Он говорит о нашей тоске, о нашем страхе, о нашем желании вернуть утраченное. Он называет нас по имени. Он использует слова, которые мы помним. Но он никогда не скажет, кто он на самом деле. И потому единственный способ отличить подлинный зов от ложного — это задать вопрос не о том, кого мы потеряли, а о том, чего мы хотим сейчас. Зинаида Павловна хотела увидеть мужа. Она получила голос, который звал её по имени. Этого оказалось достаточно, чтобы открыть дверь.

Я остановился, перечитал написанное, затем перевёл взгляд на фотографию на телефоне — следы на крыльце. Влажные, босые, исчезающие к утру. Я подумал о том, что могло оставить эти следы. О том, что, возможно, они вели не от двери к крыльцу, а наоборот — откуда-то из темноты к порогу. И о том, что Зинаида Павловна не была жертвой. Она была добровольцем. Она приняла решение, которое никто не принимал за неё. Она открыла дверь сама, потому что хотела этого больше, чем боялась. И она встретила с тем, кто стоял по ту сторону порога. Встретила — и не вернулась.

Я закрыл блокнот, положил ручку на стол и откинулся на спинку стула. Кофе в кружке почти остыл. Я сделал ещё один глоток и поставил кружку на блюдце. Официантка подошла, чтобы убрать посуду, и я попросил принести ещё одну порцию кофе.

— Что-то ещё? — спросила она.

— Нет, спасибо. Только кофе.

Я выключил диктофон, который всё это время лежал на столе, но не был включён — я не записывал мысли в блокноте, я их просто писал. Диктофон был для фактов, для интервью, для цитат. Блокнот был для другого. Я убрал его во внутренний карман куртки и взял ноутбук, но не открыл его. Я просто сидел, глядя в окно, на пустую трассу и на редкие фары машин, проезжающих мимо посёлка в сторону Покрова. Было тихо. В кафе играла негромкая музыка, кто-то за соседним столиком тихо разговаривал. Я слушал этот фон, но не вникал в него. Я думал о том, что Зинаида Павловна открыла дверь добровольно. И о том, что в этом жесте было больше мужества, чем в любом акте самосохранения. Она не боялась. Она хотела. Но что, если я ошибаюсь? Что, если за каждым правилом стоит нечто, что я не могу контролировать?

Статью я напишу завтра. Утром, когда голова будет ясной, а детали уложатся в стройную последовательность фактов. Я включу в неё все три свидетельства — соседки, участкового, священника, — но оставлю за скобками правила, которые записал в блокноте. Они не для газеты. Они для меня.

Я сделал глоток свежего кофе и почувствовал, как первый раз за весь день напряжение в плечах начало спадать. Не потому, что я нашёл ответы — их не было. А потому, что я наконец-то понял, как формулировать вопросы. И первый из них, который я оставляю в статье риторическим, уже сложился в голове: «Может ли любовь пережить смерть и найти способ достучаться до живых? Или же тоска по умершему открывает дверь чему-то, что лишь притворяется любовью?»

Я не знал ответа. Но я знал, что Зинаида Павловна Кротова умерла не от сердечной недостаточности. Она умерла потому, что слышала голос, который не могла не слушать. И она пошла за ним не как жертва, а как доброволец. И это различие — между жертвой и добровольцем — станет для меня главным в следующих историях. Я это чувствовал. Но я также чувствовал, что вопрос, который я оставил риторическим, теперь казался мне не просто вопросом, а предчувствием.

Я допил кофе, оставил на столе чаевые, взял ноутбук и диктофон, вышел из кафе и направился к машине. Ночь стояла тихая, безветренная, и над Красными Соснами зажглись первые звёзды. Я сел в машину, завёл двигатель и поехал в сторону Покрова, чтобы снять номер в гостинице. Завтра — статья. А сегодня — только дорога и тишина. Но тишина больше не казалась мне пустой. Она ждала, и я чувствовал, что скоро мне придётся ответить на вопрос, который я боялся задать.

История №2. Отражение в чужом зеркале

Прошло четыре дня после Красных Сосен. Я сижу в хостеле во Владимире — комната на четверых, дешёвый матрас, продавленная подушка с липкими пятнами, которые я стараюсь не рассматривать. Сосед по койке, мужчина лет пятидесяти с тяжёлым дыханием, храпит с перерывами, как старый компрессор, и каждый раз, когда он замолкает, в коридоре начинают спорить двое — голоса приглушённые, но отчётливые, будто они выясняют отношения уже не первый час. Я не могу уснуть, поэтому сижу на кровати, поджав ноги, и листаю форумы экстрасенсов на телефоне. Ноутбук сдох ещё вчера — перегрелся и выключился окончательно, не подавая признаков жизни. Я пытался запустить его трижды, безуспешно. Теперь он лежит в рюкзаке мёртвым грузом.

Форум «Грань» — один из тех сайтов, где собираются люди, которым некуда больше пойти. Экстрасенсы, уфологи, контакты, практики народной магии, просто потерянные. Я захожу на него второй раз за вечер, прокручивая ленту сообщений. Большинство — объявления о снятии порчи, реклама амулетов, жалобы на соседей. Но иногда попадаются короткие посты практиков, которые описывают реальные выезды. На такие я обращаю внимание.

Пост, который я замечаю, опубликован три недели назад. Пользователь Марк_сенс, без аватарки, без подписи. Текст короткий, без лишних деталей: «Вызывали в Ржев, в квартиру к антиквару. Старинное трюмо, бывшее у местной знахарки, давало в отражении чужую фигуру. Жена антиквара сейчас в ПНД. Зеркало уничтожено. Случай тяжёлый, есть запрос на повторный визит».

Я перечитываю трижды. Фраза «чужая фигура» застревает в голове. Вспоминаю следы на крыльце дома Зинаиды Павловны — влажные, босые, ведущие от края крыльца к двери и обратно. Там была одна фигура. Здесь — «чужая». Не «умерший муж», не «голос из темноты», а фигура, которая не должна была быть в отражении. Это потенциальный механизм, который я ещё не видел.

Я регистрируюсь на форуме. Никнейм — Илья_Громов, без указания профессии. В личном сообщении Марку пишу коротко, без приветствий и объяснений: «Здравствуйте. Мне нужна консультация. Плачу». Отправляю.

Через час приходит ответ: «Скиньте контакты, позвоню». Я отправляю номер телефона. На часах — половина второго ночи. Сосед перестаёт храпеть, в коридоре затихают голоса. Я выключаю экран, кладу телефон на тумбочку и закрываю глаза. Завтра, возможно, будет звонок.

Звонок раздался через два дня. Я сидел в том же хостеле, за столом в общей кухне, пил чёрный кофе из пластикового стаканчика и просматривал заметки, сделанные в Красных Соснах. На экране телефона высветился незнакомый номер — код региона, который я не узнал. Я взял трубку после второго гудка.

— Илья? — Голос мужской, деловой, без намёка на мистику. — Это Марк. Вы писали мне на форуме.

— Да, здравствуйте. Спасибо, что позвонили.

— Я не трачу время на пустые разговоры. Вы сказали, что вам нужна консультация. Что именно?

Я представился журналистом, собирающим серию материалов о случаях контакта с умершими. Объяснил, что прочитал его пост о зеркале и хотел бы получить более подробную информацию для статьи. На том конце провода наступила пауза. Я услышал, как Марк выдохнул — не раздражённо, а скорее устало.

— Я не даю интервью бесплатно. Моя консультация — три тысячи рублей за час. Если вы готовы платить — я готов говорить. Если нет — извините, я не работаю для прессы.

— Я готов, — ответил я без колебаний.

— Хорошо. У вас есть двадцать минут. Запись — только письменная, без диктофона. Идёт?

— Идёт.

Марк начал рассказывать, не дожидаясь дополнительных вопросов. Его голос звучал ровно, без эмоциональных модуляций, как у человека, который привык докладывать факты. Он говорил об антикваре из Ржева — Дмитрие Рябове, который приобрёл на блошином рынке старинное трюмо, ранее принадлежавшее знахарке по имени Агафья. Знахарка умерла в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году при невыясненных обстоятельствах. Марк подчеркнул это словосочетание — «невыясненных обстоятельствах», — но не стал уточнять.

— Когда я вошёл в квартиру, — продолжал он, — я понял сразу: зеркало — это дверь, но не источник. Источник — знахарка. Она не ушла. Она застряла. И она не одна.

— Что значит «не одна»? — спросил я.

— В отражении две фигуры. Одна — пожилая женщина в тёмном платке, я опознал её как Агафью по описанию родственников. Вторая — кто-то ещё. Меньше ростом, скрюченная. Я не смог идентифицировать.

— Вы сказали Дмитрию, кто это?

— Сказал. Он не знает. Он вообще не знает, что делать. Его жена в психиатрическом отделении, он сам на грани срыва. Я посоветовал ему уничтожить зеркало. Он уничтожил. Но это не помогло.

— Почему?

— Потому что зеркало — это только дверь. А источник — Агафья. Она не в зеркале, она привязана к нему. Когда зеркало разбили, она не исчезла. Она просто перестала быть видимой. Но она всё ещё там. И она ждёт.

Я записывал ключевые фразы в блокнот, стараясь не упустить детали. Марк говорил быстро, но чётко, без лишних отступлений.

— А кто вторая фигура? — повторил я свой вопрос.

Марк замолчал. Я ждал. В трубке слышалось только его дыхание — ровное, но с затянувшейся паузой.

— Я не скажу, — ответил он наконец. — Потому что сам не понял. Дмитрию нужна помощь, но он боится. Будьте осторожны — он не просто боится, он врёт.

— О чём?

— Не знаю. Но я почувствовал, когда был у него в квартире: он говорит одно, а думает другое. Он что-то скрывает. Что именно — я не выяснял. Моя работа — фиксировать присутствие, а не копаться в мотивах клиентов.

— Вы дадите мне его контакты?

— Дам. Но предупреждаю: он не обрадуется. Скажите, что я вас направил. И не говорите, что вы журналист. Он не любит прессу.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что. Запись разговора я не веду, вы тоже не вели. За консультацию переведёте на карту — я скину номер в сообщении. Если будут ещё вопросы — пишите. Но помните: я не консультант по вызову духов. Я фиксирую то, что вижу. Если вы ищете ответы, ищите их у Дмитрия. Только будьте готовы к тому, что ответов вы не получите.

Марк положил трубку. Я посмотрел на блокнот. В нём появились новые строки: источник — знахарка Агафья (ум. 1988, невыясненные обстоятельства); вторая фигура — скрюченная, меньшего роста, не идентифицирована; зеркало — дверь, но не источник; Дмитрий Рябов — антиквар, жена в ПНД, врёт о чём-то. Я обвёл слово «врёт» кружком и поставил рядом вопросительный знак. Затем закрыл блокнот, допил остывший кофе и набрал номер, который Марк скинул в сообщении. Дмитрий Рябов. Я позвонил. Трубку не брали. Я позвонил снова. Через

минуту — ещё раз. На шестом гудке включился автоответчик. Я оставил короткое сообщение, назвав себя журналистом и сославшись на Марка. Теперь оставалось ждать.

Сообщение на автоответчике я оставил в половине четвёртого дня. Через час телефон зазвонил. На экране высветился тот же номер, что я набирал пять раз подряд. Я взял трубку после первого гудка.

— Илья Громов? — Голос мужской, усталый, с настороженной интонацией. — Это Дмитрий. Вы звонили.

— Да, здравствуйте. Мне дал ваш номер Марк. Я хотел бы поговорить о трюмо, которое мы приобрели. Я журналист, пишу серию статей о случаях контакта с умершими.

На том конце провода повисла пауза. Я слышал дыхание, затем звук зажигалки — он курил. Пауза длилась не меньше десяти секунд.

— Я не даю интервью, — сказал он наконец. — И не хочу, чтобы моё имя фигурировало в газетах. Но если вам действительно нужно поговорить, я согласен встретиться. Только не в парке, не у меня дома и не в людном месте. Есть кафе на вокзале. Там много людей, есть камеры. Я чувствую себя там в безопасности. — Он сделал паузу. — И не говорите, что вы журналист. Скажите, что вы мой старый друг, который случайно проезжал через Ржев.

— Хорошо, — ответил я. — Когда?

— Сегодня вечером. В восемь. Я буду сидеть в углу у окна, буду пить чай. Вы подойдёте, сядете напротив и не будете включать диктофон. Иначе я встану и уйду.

— Договорились.

Я положил трубку и посмотрел на часы. До восьми оставалось четыре часа. Я собрал рюкзак, вышел из хостела, сел в машину и завёл двигатель. До Ржева — около двухсот километров. По трассе, если без пробок, — два с половиной часа. Я выехал сразу же. По пути я прокручивал в голове разговор с Марком и только что состоявшийся разговор с Дмитрием. Марк сказал: «Он врёт». Дмитрий сказал: «Я не даю интервью». Но согласился встретиться. Он боится, что его увидят с журналистом, но не боится говорить. Он боится того, что он сам знает о зеркале. Или того, что он скрывает. В любом случае, он скрывает что-то важное. Что именно — я должен был выяснить через несколько часов.

Я приехал во Ржев за сорок минут до назначенного времени. Вокзал встретил меня запахом дешёвого фастфуда и влажного асфальта — недавно прошёл дождь. Я припарковался на платной стоянке, вышел из машины и направился к зданию вокзала. Нашёл кафе — оно располагалось в торце первого этажа, с отдельным входом, без вывески, только пластиковая табличка «Кофе, чай, выпечка» над дверью. Внутри было светло, дёшево и людно: за столиками сидели люди с чемоданами, пара подростков с телефонами, пожилая пара с багажом. Камеры видеонаблюдения были видны на стенах — три штуки, направленные на вход и на центральный проход. Дмитрий сидел в углу у окна, лицом к двери. Я узнал его по описанию Марка: мужчина лет тридцати пяти, худощавый, с тёмными кругами под глазами. На нём были джинсы и тонкая хлопковая рубашка — явно не по погоде. На улице было около десяти градусов, но он не надел куртку. Руки его дрожали, когда он поднимал чашку с чаем. Я подошёл к его столику, сел напротив. Диктофон я оставил в машине. Блокнот и ручку достал, но положил на стол, не открывая.

— Здравствуйте, — сказал я негромко.

— Здравствуйте, — ответил он, не глядя мне в глаза. Он перевёл взгляд на блокнот, затем на мои руки, затем снова на чашку. — Вы не пишете?

— Я запоминаю. Говорите.

Он вздохнул, отставил чашку и начал рассказ. Говорил он быстро, сбивчиво, перескакивая с одной детали на другую, не дожидаясь вопросов. Начал с блошиного рынка, где приобрёл трюмо. Описал продавца — пожилого мужчину, который представился внуком покойной знахарки и предупредил, что зеркало «не для спальни». Затем — как поставил трюмо в спальне,

как жена Алёна сначала обрадовалась, а через два дня сказала, что видит в отражении женщину в тёмном платке. Я слушал, но заметил: он не смотрит в глаза, говорит слишком быстро, пропускает детали. Особенно те, что касались момента, когда зеркало было разбито. Я перебил его на середине фразы.

— Вы сказали Марку, что зеркало уничтожено, — сказал я. — Но вы не сказали, кто его разбил.

Дмитрий замолчал. Его лицо побледнело — не постепенно, а мгновенно, как будто я выключил свет в его глазах. Он опустил взгляд на стол, на свои руки, которые перестали дрожать и замерли. Пауза длилась несколько секунд. Он поднял чашку, сделал глоток, поставил обратно и, не глядя на меня, ответил:

— Я разбил его. Не Алёна.

Он замолчал снова. Я не торопил его. В кафе играла негромкая музыка, за соседним столиком кто-то смеялся. Дмитрий смотрел в окно на перрон, где стояла электричка, и его лицо в отражении стекла выглядело так же бледно, как и вживую.

Прошло около минуты. Затем он повернулся ко мне и заговорил. Голос его был тише, чем в начале разговора, но ровнее — он перестал сбиваться.

— Это я разбил зеркало. Не Алёна. — Он сделал паузу. — Алёна вообще не подходила к нему после того, как увидела женщину. Она боялась. А я разбил его, потому что увидел в нём свою мать.

Он посмотрел на меня. В его глазах не было ни страха, ни стыда — только усталость.

— Она умерла десять лет назад. Я был подростком. Она пропала без вести — мы так и не нашли тело. Следствие закрыли, сказали — несчастный случай. Но я знал, что она не ушла. Она просто исчезла. — Он перевёл дыхание. — И вот, когда я посмотрел в то зеркало, я увидел её. Она стояла за моей спиной. Она улыбалась. Я ударил молотком. Я разбил зеркало, потому что не мог смотреть на неё и не мог смотреть на себя в этом отражении.

— Алёна потом проснулась и нашла осколки. — Он сжал пальцы. — Она ничего не помнила. Ни того, как я встал, ни того, как я взял молоток. Просто проснулась и увидела разбитое зеркало. Я сказал ей, что это она разбила его во сне. Она поверила.

Я записывал в блокнот, не поднимая глаз. Потом поднял голову и спросил:

— Зачем вы врётё?

Дмитрий ответил не сразу. Он посмотрел на свои руки, затем на меня. В его голосе не было оправдания — только объяснение.

— Потому что если бы я сказал правду, вы бы не приехали. Вы бы подумали: «Человек, который разбил зеркало сам, ищет оправдания». А мне нужна помощь. Я хочу, чтобы кто-то объяснил, что это было. Моя мать умерла десять лет назад. Я её не хоронил — она пропала без вести. Теперь я знаю, где она. В зеркале. — Он замолчал. — И она не одна.

— Вторая фигура, — сказал я.

— Да. — Он кивнул. — Марк сказал, что это ребёнок. Девочка. Но я не знаю, чья она. И я не знаю, как она там оказалась.

Я закрыл блокнот и посмотрел на Дмитрия. Он сидел, опустив плечи, и его руки снова дрожали.

— Вы должны показать мне фотографию, — сказал я. — Ту, что сделали до того, как разбили зеркало. Вы её сохранили?

Он кивнул, достал телефон и начал искать в галерее. Его пальцы дрожали, он несколько раз промахивался мимо нужного файла. Наконец он нашёл фотографию и повернул экран ко мне. Я посмотрел на изображение. Мутное, нерезкое, но отчётливое: зеркало, в котором отражалась комната, кресло, и в отражении — две фигуры. Одна — женщина в тёмном платке. Вторая — маленькая, скрюченная, с непропорционально большой головой. Я смотрел на фотографию несколько секунд, затем поднял глаза.

— Вы отправите мне это? — спросил я.

Дмитрий колебался, затем покачал головой.

— Нет. Я не хочу, чтобы это попало в интернет. Вы можете посмотреть, но не копировать.

— Тогда я не могу вам помочь, — сказал я. — Я уйду. Если хотите, чтобы кто-то разобрался, что это было, — отправьте фото. Если нет — я напишу статью о зеркале-убийце и о том, как вы разбили его, чтобы скрыть правду. Без фотографии.

Дмитрий смотрел на меня долгим взглядом. Затем опустил голову, нажал на экран и через несколько секунд поднял глаза.

— Отправил.

Я открыл телефон. Фотография пришла. Я посмотрел на неё ещё раз, затем убрал телефон в карман, встал и поблагодарил Дмитрия. Он кивнул, не глядя на меня. Я вышел из кафе, оставив его сидеть у окна с остывшим чаем.

Но ушёл не далеко. Остановился у входа, достал телефон, открыл полученную фотографию и посмотрел на неё ещё раз, прежде чем убрать в карман. Затем вернулся за столик. Дмитрий поднял голову, удивлённый моим возвращением. Я сел напротив, положил блокнот на стол и открыл его на чистой странице.

— Кто вторая? — спросил я. — Вы сказали, что не знаете. Но вы видели её. Она была в зеркале вместе с вашей матерью. Кто она?

Дмитрий отвёл взгляд. Он смотрел в окно, на перрон, но его глаза не фокусировались на внешних объектах — он смотрел внутрь себя.

— Я не знаю, — ответил он тихо. — Марк сказал, что это ребёнок. Девочка. Но я не знаю, чья она.

Я вспомнил историю в Красных Соснах: голос, который притворялся любовью, но не был любовью. Здесь было то же самое, но в другой форме. Мать, которая притворялась собой. И ребёнок, который не был рождён — или не был похоронен.

— Вы должны показать мне фотографию, — сказал я. — Ту, что сделали до того, как разбили зеркало. Вы её сохранили?

Дмитрий колебался. Его пальцы сжались на чашке, затем он медленно достал телефон из кармана джинсов. Открыл галерею, нашёл нужный файл и повернул экран ко мне. Я посмотрел на изображение. Мутное, нерезкое, но отчётливое: зеркало, в котором отражалась комната с креслом, и в отражении — две фигуры. Одна — женщина в тёмном платке, силуэт которой я уже мысленно идентифицировал как знахарку Агафью. Вторая — маленькая, скрюченная, с непропорционально большой головой, застывшая в позе, которая не могла быть естественной для живого человека.

— Отправьте мне это, — сказал я.

Дмитрий покачал головой.

— Нет. Я не хочу, чтобы это попало в интернет. Вы можете посмотреть, но не копировать.

Я помолчал. Затем закрыл блокнот, встал и сказал:

— Я уйду. Если хотите, чтобы кто-то разобрался, что это было, — отправьте фото. Если нет — я напишу статью о зеркале-убийце и о том, как вы разбили его, чтобы скрыть правду. Без фотографии.

Дмитрий смотрел на меня долгим взглядом. Я не торопился. Через несколько секунд он опустил голову, нажал на экран и поднял глаза.

— Отправил.

Я открыл телефон. Фотография пришла. Я посмотрел на неё ещё раз, затем убрал телефон в карман, сел обратно, открыл блокнот и записал ключевые детали. Дмитрий сидел молча, глядя в окно. Я дописал последнюю строку, закрыл блокнот и вышел из кафе, оставив его за столиком с остывшим чаем.

На этот раз я ушёл окончательно. Остановился у вокзала, нашёл свободную скамейку на привокзальной площади, сел и достал телефон. На экране всё ещё была открыта фотография, которую Дмитрий отправил мне минуту назад. Я увеличил изображение, насколько позволяло разрешение, и всмотрелся в детали. Две фигуры в зеркале. Первая — женщина в тёмном платке, с лицом, которое невозможно было разобрать из-за мутности снимка, но силуэт соответствовал описанию Марка: знахарка Агафья. Вторая — маленькая, согнутая фигура, с непропорционально большой головой. Ребёнок. Не новорождённый, но и не взрослый. Застывший в позе, которая не могла быть естественной для живого человека.

Я смотрел на фотографию несколько минут, перебирая в голове все детали, которые сообщил Марк: «Знахарка умерла при невыясненных обстоятельствах», «Она не ушла, она застряла», «Она не одна». Затем закрыл галерею, убрал телефон в карман, достал блокнот и ручку. На скамейке, под низким серым небом Ржева, я написал:

Правило четвёртое: зеркало — не окно, а дверь, которая открывается в обе стороны. Но открыть её можно только изнутри. Живой не может войти в зеркало, но умерший может выйти из него. Если зеркало разбито, дверь не закрывается — она становится невидимой.

Правило пятое: если в зеркале две фигуры, значит, дверь открывали дважды. И второй раз — не тот, кто хотел войти, а тот, кого заставили. Знахарка не просто застряла — она утащила с собой кого-то, кто не хотел уходить. Я должен быть уверен, что в моём ритуале будет только одна фигура. Иначе я приведу не Анну, а того, кто ждал дольше.

Я закрыл блокнот, положил ручку в карман и набрал номер Марка. Трубку взяли после второго гудка.

— Марк, это Илья. Извините, что беспокою. У меня есть вопрос.

— Слушаю.

— Вы сказали, что знахарка Агафья умерла при невыясненных обстоятельствах. Вы знаете, при каких?

На том конце провода наступила тишина. Я слышал только его дыхание — ровное, но с затянувшейся паузой. Затем он ответил. Голос его звучал так же ровно, как и в первый раз, но теперь в нём появилась нотка, которой я не слышал раньше.

— Она утонула в колодце. Вместе с внучкой. Ей было три года.

— Спасибо, — сказал я.

Я положил трубку. Посмотрел на телефон, затем на фотографию, затем снова на блокнот. Вторая фигура в зеркале теперь имела имя — не имя, а обстоятельства. Она была той самой внучкой, которую знахарка утащила с собой в колодец. И теперь они обе ждали в зеркале. Ждали, когда кто-то откроет дверь снова. Я убрал телефон в карман, закрыл блокнот и встал со скамейки. На площади было холодно, и я направился к машине, чтобы уехать из Ржева в гостиницу. Нужно было записать всё, что я узнал, и подготовить черновик статьи. Но прежде чем завести двигатель, я посмотрел на кулон Анны, висящий на груди под рубашкой. Одна фигура. Она должна остаться одна.

Я сел в машину, завёл двигатель, но не тронулся с места. Поставил рычаг на нейтраль, выключил печку и достал телефон. Открыл фотографию, которую Дмитрий отправил мне в кафе. Две фигуры в зеркале. Женщина в тёмном платке — знахарка Агафья. И ребёнок — согнутый, с непропорционально большой головой, застывший в позе, которая не могла быть естественной. Внучка. Три года. Утонула вместе с бабкой в колодце. Я смотрел на фотографию. Знахарка не просто «застряла» в зеркале — она утащила с собой внучку. Не потому, что хотела причинить ей зло, а потому что не могла оставить её одну. Или потому что не могла уйти сама, не забрав с собой того, кого любила. Теперь они обе ждали в зеркале. Ждали, когда кто-то откроет дверь. Чтобы выпустить ребёнка. Или чтобы забрать ещё одного.

Я выключил экран, убрал телефон, достал блокнот и ручку. На чистой странице, поверх предыдущих записей, я вывел:

Правило шестое: призраки, утащившие с собой живых, не уходят. Они ждут, когда кто-то ошибётся — и займёт их место. Знахарка не отпустила внучку, потому что не могла отпустить себя. Её любовь стала цепью, которая удерживает обеих. Я не должен ошибиться. Я не должен стать тем, кто займёт чьё-то место. В моём ритуале будет только одна фигура. Только Анна.

Я закрыл блокнот, убрал его во внутренний карман куртки и переключил передачу. Выехал с привокзальной площади, направился к трассе на Владимир. Через сорок минут я был в гостинице — той же, что и в прошлый раз, с дешёвым номером и видом на пустырь. Я поставил чайник, сел за стол, открыл ноутбук и начал писать статью. Не о зеркале-убийце, не о Дмитрие и его матери. О другом: о том, как любовь к умершим может стать дверью, в которую войдут те, кого ты не звал. О том, что даже самая сильная тоска не всегда открывает правильный путь. И о том, что, если не проверить, кто стоит за дверью, можно впустить не того, кого ждёшь, а того, кто ждал дольше. Я писал до полуночи, выпил три чашки кофе и лёг спать с мыслью, что завтра продолжу.

А наутро я сел за стол, поставил чайник и открыл ноутбук. В окне светился пустырь, за которым темнела трасса — редкие фары машин, уходящих в сторону Москвы. Я набрал адрес редакции «Вечернего экспресса», вошёл в систему и начал писать статью. Сухо, без эмоций, с цитатами Марка и Дмитрия. Я изложил факты: зеркало знахарки, две фигуры в отражении, уничтожение артефакта, психиатрическое отделение, в котором оказалась жена антиквара. Не упомянул ни имени Дмитрия, ни названия посёлка, ни конкретных обстоятельств гибели знахарки — только общий рисунок, достаточный для того, чтобы читатель понял механизм. В конце я добавил абзац, который не входил в формат стандартной заметки, но который я счёл необходимым.

«Автор не рекомендует читателям проверять старые зеркала на наличие посторонних фигур. Если вы увидите в отражении кого-то, кто не смотрит на вас, — не разбивайте зеркало. Просто закройте его тканью и не открывайте три дня. Зеркало — это дверь, но она открывается в обе стороны. И не всегда тот, кто стоит по ту сторону, хочет войти. Иногда он ждёт, когда вы войдёте сами».

Я перечитал текст, поправил два знака препинания и нажал «отправить». Через секунду статья ушла в редакцию. Я закрыл ноутбук, откинулся на спинку стула и несколько минут сидел неподвижно, глядя в потолок. Чайник закипел и автоматически выключился, но я не стал наливать чай. Вместо этого я достал из-под рубашки кулон Анны — маленький серебряный кружок на цепочке — и положил его на стол перед собой. Свет настольной лампы падал на металл, и на его поверхности отражалась моя собственная рука, лежащая рядом. Я смотрел на кулон долго. Он был подарком, который я вручил ей за месяц до гибели. Она носила его не снимая. Он был на ней в момент катастрофы. И теперь он лежал передо мной, единственный физический якорь, который мог бы открыть дверь, если я решусь.

Я взял кулон в руку, сжал его в ладони. Слишком много деталей, слишком много совпадений. Я не хотел верить в то, что собирался сделать, но я знал, что если я не попробую, то никогда не смогу простить себе эту недосказанность. И я произнёс вслух, негромко, так, чтобы меня слышала только пустая комната:

— Я не позволю тебе стать второй фигурой. Ты будешь первой и единственной.

Я положил кулон обратно на стол, рядом с блокнотом, и выключил свет. В номере стало темно — только тусклый свет уличного фонаря пробивался сквозь занавески. Я лёг на кровать, закрыл глаза и стал слушать тишину. Где-то за стенами гостиницы шумела трасса, но этот шум казался далёким, почти нереальным. Я думал о двух фигурах в зеркале — о женщине и ребёнке, которые ждали, когда кто-то откроет дверь. И о том, что я не должен стать тем, кто ошибётся. Завтра будет новый день, новая история, новые правила. Сегодня — только тишина и кулон на столе.

История №3. Перекрёсток на Покров

Я сижу в придорожной забегаловке под Тверью. За окном — моросящий дождь, который идёт уже второй день подряд, не переставая. Вода стекает по стеклу, искажая очертания редких машин, проезжающих по трассе. На столе передо мной — стопка местных газет, которые я выпросил у администратора гостиницы за пятьдесят рублей и обещание вернуть их в целости. Я пролистываю страницы одну за другой, просматривая криминальную хронику и колонки происшествий. Это моя обычная методика: в региональных газетах часто попадаются заметки, которые не попадают в федеральные издания, но содержат детали, необъяснимые с точки зрения официальных заключений.

Взгляд цепляется за заметку в самом низу полосы. Заголовок короткий, без вычурности: «Трагедия в Малых Лужках: подросток умер во сне, предсказав свою смерть». Я перечитываю дважды. Текст заметки умещается в пять строк, но в нём есть ключевые слова: «четырнадцатилетний Кирилл Свиридов», «умер во сне от сердечного приступа», «за неделю до смерти назвал другу точную дату своей кончины». Всё. Больше — ни адреса, ни контактов, ни подробностей.

Пальцы покалывают — старый рефлекс, выработанный за годы работы в хрониках происшествий. Это не просто странная смерть. Предсказанная смерть — это уже не зов умершего, это знание, пришедшее извне. Я хочу понять, откуда оно пришло и как оно было передано.

Я откладываю газету, достаю телефон и набираю номер редакции, указанный в выходных данных. Трубку берёт женщина с усталым голосом.

— Редакция «Тверского вестника», слушаю.

— Здравствуйте, меня зовут Илья Громов. Я корреспондент «Вечернего экспресса», пишу серию материалов о необычных случаях в регионе. Мне нужны контакты семьи Свиридовых из Малых Лужков. Я хотел бы поговорить с матерью Кирилла.

На том конце провода наступает пауза.

— Мы не даём адреса частных лиц. Это наша политика. Вы можете написать запрос на имя главного редактора, но вряд ли получите ответ.

— Понимаю, — говорю я. — Спасибо.

Я кладу трубку. Метод прямого запроса не сработал. Я перебираю в уме возможные варианты: найти страницу Кирилла в социальных сетях, найти номер школы, найти других родственников. Школа — самый надёжный вариант. Я набираю в поисковой строке название деревни и слово «школа». Через минуту нахожу номер. Звоню. Трубку берёт женщина — судя по голосу, секретарь или вахтёрша.

— Здравствуйте, меня зовут Илья. Я сотрудник благотворительного фонда помощи детям и подросткам, попавшим в трудную ситуацию. В связи с трагической гибелью Кирилла Свиридова из Малых Лужков мы хотели бы предложить семье материальную помощь и психологическую поддержку. Вы не могли бы дать мне контакт его матери?

— А откуда вы знаете о Кирилле? — спрашивает женщина. Голос её становится настороженным.

— Нам сообщили из районной администрации. Мы работаем по всей области, стараемся охватить все случаи, особенно когда ребёнок уходит из жизни внезапно. Это наша работа.

— Ну, не знаю... — она колеблется. — Наталья Сергеевна переживает очень тяжело. Она просила никому не давать её номер.

— Я не буду беспокоить её звонками без необходимости. Если она откажется от помощи, я просто оставлю ей контакт нашего координатора. Это займёт не больше минуты.

Пауза. Я слышу, как она вздыхает.

— Ладно. Запишите. Это номер Натальи Сергеевны. Только не говорите, что я вам дала. У нас тут все друг друга знают.

— Я позвоню ей, но не скажу, откуда у меня её номер. Спасибо.

Я записываю номер, смотрю на него несколько секунд, затем сохраняю в контакты и откладываю телефон в сторону. Допиваю остывший кофе, оставляю на столе чаевые и выхожу из забегаловки под дождь. В машине я включаю обогрев и набираю номер Натальи Сергеевны. Трубку не берут. Я жду минуту, набираю снова — те же длинные гудки, переходящие в автоответчик. Я не оставляю сообщение. Кладу телефон на пассажирское сиденье, заводжу двигатель и смотрю на мокрый асфальт. Через пятнадцать минут набираю номер в третий раз. На четвёртом гудке раздаётся щелчок, и голос — усталый, настороженный, с отчётливой ноткой раздражения — произносит в трубку:

— Алло. Кто это?

— Наталья Сергеевна? Меня зовут Илья Громов. Я журналист, пишу серию материалов о необычных случаях смерти. Я прочитал заметку о вашем сыне в «Тверском вестнике» и хотел бы поговорить с вами.

— Я не даю интервью. — Голос становится резче. — Вы все одинаковые. Напишите, что мой сын был психом, что он сам себя довёл, что у него были галлюцинации. Я это уже слышала. Достаточно.

Я не перебиваю. Дожидаюсь, пока она замолчит, и говорю:

— Я не пишу о психике. Я пишу о том, что люди видят. О том, во что они верят. Ваш сын предсказал свою смерть за неделю. Это факт. Он не ошибся. Я хочу понять, как он это узнал.

Она молчит долго. На том конце слышно только дыхание, затем щелчок зажигалки — она закуривает. Я жду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.